

С. Т. Махлина³

ВОСТОК НА ЗАПАДЕ

Восток и Запад — две формы цивилизации, постоянно взаимодействующие и взаимовлияющие друг на друга. Однако это сопоставление одного с другим отнюдь не является бесконфликтным и гармоничным. О давнем противостоянии Востока и Запада — роман Ф. Гримберг «Небесная дорога любви, или Арахна». В предисловии она пишет: «и Арахна, и ее отец, красильщик тканей, — люди этого античного Востока, мастера Малой Азии... И значит... вызов, брошенный Арахной богине Афине, покровительнице одноименного с богиней города-государства, — это... вызов, брошенный Востоком Европе... тема соперничества, “дружбы-вражды” Европы и Востока заставила обратиться к самым разным материалам, версиям, теориям...»⁴

Из-за этого противостояния Запада и Востока возникают разного рода перекосы в оценке их взаимного одновременного притяжения и отталкивания. Показательна в этом отношении весьма спорная, но глубокая и хорошо фундированная книга, демонстрирующая эрудированность и тонкость ума Эдварда Вади Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока»⁵. Книга эта была написана в 1978 году, но актуальность и интерес к ней продолжают привлекать внимание многих авторов. Однако в основном эту работу критикуют — как западные исследователи, так и представители Востока. Правда, сам автор пишет, что «хотя в исследовании затронут широкий круг авторов, книга далека от того, чтобы быть исчерпывающей историей или общим обзором ориентализма»⁶. Несколько ранее,

он подчеркивает, что, «несмотря на значительное число упоминаемых мною книг и авторов, гораздо большее их число пришлось оставить без внимания. Для моей аргументации, однако, не так уж важны ни исчерпывающий список имеющих отношение к Востоку текстов, ни четко очерченный список текстов, авторов или идей, в совокупности образующий канон ориентализма»⁷. Именно эта неполнота, подбор специальной литературы, соответствующей постулируемой концепции, приводит к искажениям, с которыми не согласны современные исследователи. Конечно, связано это в первую очередь с особенностями личности автора. Эдвард Саид прямо указывает: «Большая часть из личных инвестиций в это исследование происходит из осознания моей собственной принадлежности к “Востоку” в качестве ребенка, росшего в двух британских колониях... Мое исследование ориентализма было такой попыткой построить список оставшихся на мне, *восточном человеке*, следов культуры, чье доминирование являлось таким мощным фактором жизни для всех людей Востока»⁸ (курсив мой. — С. М.). Он верно пишет: «Еще никому не удавалось отделить ученого от обстоятельств его жизни, от его причастности (сознательной или бессознательной) к определенному классу и набору убеждений, социальной позиции, или же просто от его включенности в общество»⁹. Все это с несомненностью отразилось в книге Эдварда Вади Саида. По сути верно показано взаимовосприятие этих двух цивилизаций в терминах Своего и Чужого: «выявлению различий между знакомым (Европа, Запад, “мы”) и незнакомым (Восток, “они”)»¹⁰.

В книге четко разделяются понятия восток и Восток: «Определенные ассоциации с востоком (East) — не столь уж невежественные, но и не вполне грамотные — неизменно группируются вокруг понятия Востока (Orient)»¹¹. При этом Восток, как правило, отождествляется с исламским Востоком: «Если термин “Восток” (Orient) понимали как-то иначе, нежели как синоним азиатского востока (East) в целом или как общее обозначение всего далекого и экзотического, то наиболее строгое его понимание ка-

² Либеральные идеологи капиталистической модели оказались в ситуации интеллектуального бессилия объяснить причины экономического кризиса и продолжают настаивать на этой модели как единственно возможной.

³ Профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор свыше 330 научных публикаций, в т. ч. 13 монографий: «Семиотика культуры и искусства», «Тесты по истории искусства древнего и средневекового Востока», «Русская философия и художественная культура России», «Язык искусства в контексте культуры» и др.

⁴ Гримберг Ф. Небесная дорога любви, или Арахна : роман. М. : РИПОЛ классик, 2005. С. 5.

⁵ Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб. : Русский Мир, 2006.

⁶ Там же. С. 41.

⁷ Саид Э. В. Указ. соч. С. 12.

⁸ Там же. С. 44.

⁹ Там же. С. 20.

¹⁰ Там же. С. 68.

¹¹ Там же. С. 88.

салось именно исламского Востока (Orient)¹. Верно говорится о том, что «Восток — это идея, имеющая историю и традицию мышления, образный ряд и свой собственный словарь, обусловившие их реальность и присутствие на Западе и для Запада. Таким образом, эти две географические сущности поддерживают и до определенной степени отражают друг друга»².

Анализируя историю освоения Западом Востока, Саид постоянно подчеркивает чувство собственного превосходства европейских исследователей, выражающееся в их описаниях «восточного» человека, который «иррационален, развращен, ребячлив, он “другой”, тогда как европеец рационален, добродетелен, зрел, “нормален”»³. Несмотря на рост систематического знания о Востоке, в описаниях европейских исследователей всегда звучит позиция силы и господства. Все это подтверждается обильными ссылками. И выглядит довольно убедительно, ибо доля правды в этом действительно есть. Он постоянно подчеркивает «чувство конфронтации»⁴.

Эдвард Саид разделяет отношение к Востоку европейцев и американцев. Для европейцев «Восток (Orient) — это почти всецело европейское изобретение, со времен античности он был вместилищем романтики, экзотических существ, мучительных и чарующих воспоминаний и ландшафтов, поразительных переживаний»⁵. Восприятие Востока европейцами Саид называет ориентализмом — «определенным способом общения с Востоком, основанном на особом месте Востока в опыте Западной Европы. Восток — это не только сосед Европы, но еще и место расположения ее самых больших, самых богатых и самых старых колоний, это исток европейских языков и цивилизаций, ее культурный соперник, а также один из наиболее глубоких и неотступных образов Другого... Ориентализм выражает и репрезентирует эту часть культурно и даже идеологически как вид дискурса с соответствующими ему институтами, словарем, ученой традицией, образным рядом, доктринами и даже колониальными бюрократиями, колониальным стилем»⁶. Этот ориентализм приобретает, по мнению Саида, отнюдь не положительные черты, в нем много именно отрицательного. Ориентализм — это термин, с помощью которого Саид пользуется «для описания западного подхода к Востоку... как к предмету познания, открытия и практики... непрерывного и безраздельного доминирования Запада»⁷. По его мнению, «реальность ориентализма одновременно и антигуманна, и устойчива»⁸, в нем проглядывает «определенное чувство превосходства»⁹ Запада перед Востоком. Для него ориентализм — «это отношение силы, господства, различных степеней комплексной гегемонии... ориентализм скорее це-

нен как знак европейско-атлантической власти над Востоком»¹⁰ (выделено мною. — С. М.). Саид оказывается заиклен на указании стремления власти Запада над Востоком: «это своего рода интеллектуальная власть (authority) западной культуры над Востоком»¹¹. При этом «сущность ориентализма заключена в неискоренимом разделении западного превосходства и восточной неполноценности»¹². Он подчеркивает, что «ориентализм можно считать своего рода регламентированным письмом, видением и исследованием, в котором доминируют императивы, перспективы и идеологические предпочтения, очевидно, предназначенные для Востока»¹³.

Ориентализм, по мнению Саида, связан «с высокомерным административным отношением европейского колониализма XIX — начала XX века... Ориентализм — это стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии “Востока” и (почти всегда) “Запада”¹⁴. Ориентализм по Саиду — это западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком»¹⁵. Как правило, ориентализм — это распространение геополитического сознания на эстетические, гуманитарные, экономические, социологические, исторические и филологические тексты. Это разработка базового географического различия («мир состоит из двух неравных половин — Востока и Запада...»¹⁶). В связи с этим «идея европейской идентичности как превосходства над всеми другими неевропейскими народами и культурами» породила представление о том, что существует «превосходство Европы над восточной отсталостью»¹⁷. Объясняет это Саид следующим образом: «Для человеческого сознания совершенно естественно сопротивляться воздействию неведомого и чужого, а потому все культуры склонны существенным образом трансформировать другие культуры, воспринимая их не такими, какие они есть, но такими, какими они должны быть (к выгоде воспринимающего)»¹⁸. Поэтому, делает вывод Саид, «из-за ориентализма Восток не был (и не является до сих пор) свободным предметом мышления деятельности»¹⁹. Тут следует заметить, что такое видение отнюдь не характеризует отношение России к Востоку. Но Саид, имея в виду в первую очередь Францию, Британию и Германию, именно поэтому делает вывод, что «европейская культура выиграла в силе и идентичности за счет того, что противопоставляла себя Востоку как своего рода суррогатному и даже тайному “Я”²⁰, видя в ориентализме комплекс “восточных идей”. Это: “восточный деспотизм, восточная роскошь, жестокость, чувственность”. Кроме

¹ Саид Э. В. Указ. соч. С. 117.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 62.

⁴ Там же. С. 310.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Там же. С. 8.

⁷ Там же. С. 115.

⁸ Там же. С. 69.

⁹ Там же. С. 103.

¹⁰ Саид Э. В. Указ. соч. С. 14.

¹¹ Там же. С. 35.

¹² Там же. С. 66.

¹³ Там же. С. 313.

¹⁴ Там же. С. 9.

¹⁵ Там же. С. 10.

¹⁶ Там же. С. 23–24.

¹⁷ Там же. С. 16.

¹⁸ Там же. С. 107.

¹⁹ Там же. С. 10.

²⁰ Там же. С. 11.

того, ориентализм включает “множество восточных сект, философий и премудростей”, адаптированных “для местных европейских нужд”¹. Поэтому, считает Саид, ориентализм связан «с представлениями о том, что такого делаем “мы”, чего “они” не могут ни сделать, ни понять»². Конкурирующие колонизаторы Востока Англия и Франция видели в нем прежде всего инертность и женственность³. Но в итоге и те, и другие должны констатировать «неприятие Востока»⁴.

Это явная натяжка, хотя в ней и есть доля истины. Вот что по этому поводу писал Григорий Померанц: «Великие коалиции культур, возникшие вокруг Главной Книги, принципиально равноправны. Мир ислама, индуистско-буддийский мир Южной Азии и конфуцианско-буддийский мир Дальнего Востока не могут быть полностью вестернизированы. Процесс вестернизации, сперва односторонний, давно перешел в диалог. Диалог начался в XIX в., когда Толстой и Достоевский, овладев западной формой романа, сумели преобразить ее и сказать Европе то, чего она раньше не знала. Он продолжался и в XX в., когда европейски образованные индийцы, японцы, мусульмане начали миссионерскую работу на Западе»⁵. Правда, здесь мы касаемся вопроса Запада на Востоке, но это уже иная проблема, не входящая в круг рассмотрения данной работы.

У американцев же «Восток не вызывает такого чувства, поскольку для них Восток прежде всего ассоциируется с Дальним Востоком (преимущественно с Китаем и Японией)»⁶. Но если для Британии и Франции Восток до начала XIX века — лишь Индия и библейские земли, то с начала XIX века и до конца Второй мировой войны Франция и Британия доминировали на Востоке. После Второй мировой войны их сменила Америка на Востоке, именно в плане доминирования над ним. Но и здесь ориентализм — нечто более значительное, «чем простое нагромождение лжи»⁷. Итак, показывая, что «Ноам Хомский изучал инструментальную связь между вьетнамской войной и понятием объективности в гуманитарном знании в том его виде, как оно использовалось для сокрытия субсидируемых государством военных исследований», Саид делает неправильный вывод о том, «что он подходит к Востоку прежде всего как европеец или американец, и лишь затем как индивид... и что более важно, он принадлежит к той части света, которая имеет определенную историю вовлеченности в дела Востока чуть ли не со времен Гомера»⁸. Тем самым заведомо определяется необъективность ученого. Переходя к современности, Саид отмечает, например: «И традиционные ориенталисты... и Киссинджер представляют себе разницу между культурами, во-первых, как разделяющий их фронт, во-

вторых, как предложение Западу контролировать, обуздывать или каким-либо иным образом управлять Востоком (через посредство более совершенного знания и соответствующей власти)»⁹. Анализируя работы современного американского ученого Гарольда У. Глиддена, Саид показывает квинтэссенцию его концепции: «С одной стороны, есть западные люди, и, с другой, есть восточные люди, арабы. Первые (порядок не важен) рациональны, миролюбивы, либеральны, логичны, способны придерживаться реальных ценностей, лишены природной подозрительности; последние не обладают ни одной из этих черт»¹⁰. Как правило, для европейцев «восточные народы, равно как и африканцы, — это прежде всего представители подчиненной расы, а не обитатели определенной географической среды»¹¹. Правда, справедливости ради, надо сказать, что Саид отмечает «кризис ориентализма в XX веке и возрождение культурной силы на востоке»¹². Однако все же настаивает на том, что для XIX века было характерно подчеркивание «чувственности, склонности к деспотизму, спутанной ментальности, привычки к неаккуратности, отсталости...»¹³.

Различая скрытый и явный ориентализм, Саид говорит о том, что, желая подчеркнуть нечто хорошее о Востоке, говорят «мудрость Востока», но при этом ислам воспринимается «никудышным, пустым и тривиальным»¹⁴.

Действительно, такие представления возможны и распространены на Западе. Но обобщать все же не стоит. На Западе отношение к Востоку у разных авторов различно, и, конечно же, мы можем найти восторженное восприятие Востока в целом и искусства в частности. Таково, например, восприятие Востока французским историком Д. де Ружемоном, который систематизировал символы Востока и Запада, рассеянные в литературе от Платона до европейских романтиков: «Восток — заря, утро, верх, правое, предельная утонченность, ангел откровения, дух, интуиция, мудрость, возрождение, просветленное знание, отчизна души». В сопоставлении с Востоком «Запад — закат, вечер, низ, левое, непрозрачная плотность, сумерки, демон утилитаризма и слепого могущества, забвение высших ценностей души, телесность и материальность, беспорядочная активность, ложное, отяжеленное материей знание, страна изгнания»¹⁵.

Да и у самого Саида мы можем найти следующее утверждение: «значительное число крупнейших писателей XIX века были восторженными поклонниками Востока»¹⁶. Или об ученых: «не так уж редко появлялись исследователи, которые относились к Востоку с симпатией и с неподдельным интересом...»¹⁷

⁹ Саид Э. В. Указ. соч. С. 75.

¹⁰ Там же. С. 77.

¹¹ Там же. С. 144.

¹² Там же. С. 317.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 321.

¹⁵ Rougemon D. de. L'aventure occidentale de l'homme. P., 1957. P. 25.

¹⁶ Саид Э. В. Указ. соч. С. 83.

¹⁷ Там же. С. 150.

¹ Саид Э. В. Указ. соч. С. 11.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 339.

⁴ Там же. С. 346.

⁵ Померанц Г. Выбор XXI века // Померанц Г. Выход из транса. М.: Юрист, 1995. С. 560. (Лики культуры).

⁶ Саид Э. В. Указ. соч. С. 8.

⁷ Там же. С. 15.

⁸ Там же. С. 21–22.

Но в целом «западный ориентализм процветал на фоне униженного положения Востока или восточного человека в качестве объекта исследования»¹. И это относится не только к писателям, исследователям, но и философам.

Таковы, например, взгляды Фридриха Шлегеля. Или Фридриха Ницше, утверждавшего «символ превосходства современности (и европейской культуры)»². То же относится и к Марксу: «стародавние оппозиции “Европа”—“Азия”, “Запад”—“Восток” — за чрезвычайно широкими ярлыками скрывают все возможное человеческое многообразие, сводя его в итоге к одной-двум итоговым собирательным абстракциям. И Маркс здесь не исключение»³. Нельзя все же не отдать должное справедливым оценкам Саида в анализируемой проблеме. Так, он уважительно и с одобрением говорит о книгах «Западно-восточный диван» Гете и «О языке и мудрости индийцев» (Uber die Sprache und Weisheit der Indier) Шлегеля⁴. И в то же время пишет: «Большая часть из расистских элементов, присутствующих в упреках Шлегеля в адрес семитов и других “низших” восточных народов, была широко распространена в европейской культуре»⁵. И далее: «“хороший” Восток — это всегда классический период какой-нибудь древней Индии, тогда как “плохой” Восток связан с нынешней Азией, частично Северной Африкой и повсеместно — с исламом»⁶.

Эдвард Саид ограничивается анализом британского, французского и американского ориентализма. И в первую очередь касается контакта с арабами и исламом, что отнюдь не верно, если мы говорим об отношении Запада к Востоку, подчеркивая популярность «антиарабских и антиисламских предрассудков на Западе»⁷. Безусловно, в этом есть правда. «К сожалению, иногда столкновение интересов коренных европейцев и мусульман приводило к серьезным конфликтам, поэтому в последнее десятилетие отношение к исламу со стороны большинства коренных жителей Старого света стало крайне негативным»⁸. Но и в отношении к исламу мы находим передежки в анализируемой книге Эдварда Саида. Правда, перед этим он дает эскизно историческое описание Запада к Востоку начиная с эпохи античности. Но уже даже в Древней Греции он видит не естественное изображение Востока, а его репрезентацию. Так, уже в драме Эсхила «Персы» «Восток превращается из весьма далекого и зачастую опасного Иного в фигуры более привычные (в случае Эсхила — в рыдающих азиатских женщин)»⁹. Анализируя античную литературу, Саид приходит к следующему выводу: «Азия говорит че-

рез и благодаря воображению европейцев, которые представлены победителями Азии, — того лежащего за морем враждебного “другого мира”», «Восток, и в особенности Ближний Восток, еще со времен античности воспринимался на Западе как его великая комплементарная противоположность», «отношение к Востоку в целом со стороны Запада колеблется между презрительным отношением к нему как к чему-то известному и трепетом восхищения его новизной (или даже страхом перед ней)»¹⁰. В дальнейшем, анализируя европейских литераторов, писавших о Востоке, он постоянно видит негативное восприятие всего Востока, и в первую очередь ислама. Отождествляя Восток с исламом, Саид пишет: «Ислам недаром олицетворял собой ужас, опустошение, демонические орды ненавистных варваров»¹¹. Поэтому, начиная с эпохи Наполеона, по Саиду, европейцы стремились «приблизить Восток к Европе и тем самым поглотить его полностью и — что особенно важно — устранить, или по крайней мере смягчить его чужеродность, а в случае ислама — и враждебность»¹². Такую позицию можно видеть и в художественном творчестве, особенно в литературе, внесшей «существенный вклад в построении ориенталистского дискурса. Сюда входят труды Гете, Гюго, Бертона, Шатобриана, Кинглейка (Kinglake), Нерваля, Флобера, Лэйна, Бертона, Скотта, Байрона, Виньи, Дизраэли, Джордж Элиота и Гюте. Позднее, в конце XIX — начале XX века к этому ряду можно добавить Даути (Doughty), Барраса, Лоти, Т. Е. Лоуренса, Форстера...

К концу XIX века все эти достижения получили материальное подкрепление в виде европейской оккупации всего Ближнего Востока (за исключением отдельных частей Османской империи, поглощенных после 1918 года)»¹³.

Для европейцев, по книге Эдварда Саида, характерно «небрежное, сколь и распространенное смешение арабского с санскритом (как, например, в “Шагреновой коже” Бальзака роковой талисман покрыт арабской вязью, названной санскритом)...»¹⁴ И уж, конечно, обойти фигуру Киплинга Саид не мог¹⁵.

Эти утверждения довольно подробно и ярко автор аргументирует в книге, выискивая и подчеркивая в творчестве указанных писателей только негативное отражение Востока, нередко с явными передежками. Это же характерно и для современного ориенталиста, который, по мнению Саида, «далек от объективности»¹⁶. Упоминает он и американских писателей — Марка Твена, Фитцджеральда, но и у них находит «общий шаблон»¹⁷.

Конечно, умная и глубокая книга достаточно ярко описывает определенные абберрации в сознании современных обывателей. «Вероломные китайцы, полуголые индийцы и пассивные мусульма-

¹ Саид Э. В. Указ. соч. С. 151.

² Там же. С. 205.

³ Там же. С. 243.

⁴ Там же. С. 34.

⁵ Там же. С. 154.

⁶ Там же. С. 154.

⁷ Там же. С. 46.

⁸ Садыкова А. А. Проблемы этноконфессиональных отношений в западноевропейской арабской публицистике. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2009. С. 6.

⁹ Саид Э. В. Указ. соч. С. 37.

¹⁰ Саид Э. В. Указ. соч. С. 89, 92, 93.

¹¹ Там же. С. 94.

¹² Там же. С. 137.

¹³ Там же. С. 155.

¹⁴ Там же. С. 217.

¹⁵ См.: Там же. С. 349–352.

¹⁶ Там же. С. 163.

¹⁷ Там же. С. 303.

не представляются исключительно как стервятники, зарящиеся на “наши” щедрые дары... например, считается, что арабы ездят на верблюдах, что все они террористы, что у них нос крючком, что они продажные распутники, а их незаслуженное богатство — это оскорбление подлинной цивилизации»¹.

Безусловно, во многом Эдвард Саид прав. С сожалением приходится констатировать вслед за Даниилом Андреевым: «Религия дискредитировала себя своей вековой беспомощностью...»² Он говорит о том, «что многие считают, что “религиозная эра в человечестве завершилась”»³. Между тем Андреев уверенно предрекает, что в наше время «зреет преопределенная к рождению всечеловеческая интеррелигия»⁴, когда она превратится «вместо сочетания разрозненных лепестков целокупным и единым духовным цветком, *Розою Мира*»⁵. В религии будущего, по его мнению, будет «Кульм Единого, Кульм Солнца Мира».

В современном мире стереотипное восприятие ислама на Западе связано с терроризмом, воинственностью и агрессивностью. Причины этого коренятся не только в ориентализме, но еще и в том, что они стали мощной диаспорой в Европе, нередко вызывая отрицательные эмоции чуждым бытом, одеждой, нравами. По данным Би-би-си на 2008 год, наиболее крупные диаспоры проживают во Франции — 7 %, в Нидерландах — 6 %, Дании — 5 %, Австрии — 4,2 %, Швеции — 3,9 %, Германии — 3,6 %, Бельгии — 3,4 %, Великобритании — 2,7 %, Норвегии — 2,5 %. Проживают мусульмане и в Италии, Финляндии, Люксембурге. Почему происходит этот наплыв пришельцев из мусульманских стран в европейские страны? «Подавляющее их большинство — трудовые эмигранты. Это они сменили в богатых западноевропейских странах преобладавших там ранее бедняков из Италии, Испании, Португалии, Греции, либо вернувшихся к своим очагам вследствие улучшения жизни на родине, либо несогласных работать за низкую плату. Приехавшие им на смену афроазиаты (преимущественно выходцы из арабских стран, Турции, Ирана, Пакистана, Индонезии, Малайзии и прочих государств ислама), убедившись в преимуществах общества массового потребления, не спешили покинуть процветающий Запад, даже если им приходилось туго, ибо на родине было еще труднее»⁶.

При этом сталкиваются интересы коренных европейцев и мусульман, что нередко приводит к кровавым столкновениям. Из-за закона 2004 года о запрете религиозных символов в образовательных учреждениях во Франции возникли погромы в 2005 году. Естественно, что это вызвало негативное отношение европейцев к мусульманам. Понятно, что это искаженное и неверное представление.

И ни один образованный и просто думающий человек не в состоянии разделять такое мнение. Ибо ислам — религия, как и любая другая, отнюдь не связанная с агрессией. Наоборот, сила этой религии в том, что ее последователем может быть любой человек любой национальности. Д. Л. Андреев приводит весьма резонный пример того, почему возникают разногласия в религиях: «как если бы несколько путешественников поднимались с разных сторон на одну и ту же гору, видели и обследовали различные ее склоны, а по возвращении заспорили бы о том, кто из них видел реально существующее, а кто — причуды собственного воображения; причем каждый рассуждал бы, что гора именно такова, какой она оказалась с его стороны, а свидетельства других путешественников о других ее склонах — лживы, абсурдны и являют собой западню для душ человеческих. Таким образом, первый вывод, вытекающий из сопоставления междурелигиозных разногласий, заключается в себе путь к устранению тех из них, которые основаны либо просто на недоразумении, либо на несовпадении объектов религиозного познания в различных рядах опыта...»⁷ Мы хорошо понимаем, что все религии в конечном счете говорят об одном и том же. Хорошо это ощущают творческие люди. Вот что писал Морис Бежар о своей работе — балете «Actus tragicus» на музыку двух кантат И. С. Баха, которая была поставлена им вскоре после балета «Победители», где была заложена, по словам хореографа, «благотворительная зрелость буддизма»: «Христианские медитации о смерти — так я выражал свою принадлежность к той же цивилизации, что и Боссюэ! Как с интервалом в две недели поставить два таких разных балета и перейти от Будды к Христу? Не думаю, чтобы разница была так уж велика. Разумеется, есть различия в гражданской жизни этих двух религий, в формах культа. Но на определенном уровне проступает единство»⁸.

Внимание к исламской культуре по вполне понятным причинам в наше время актуально и важно. В 2000 году в Государственном Эрмитаже прошла выставка «Земное искусство — небесная красота». Выставка эта была организована Эрмитажем совместно с Фондом Новой Кирхи (Амстердам). На ней были представлены не только коллекция Эрмитажа, но и произведения из собраний Музея Бенаки (Афины), Британского музея (Лондон), коллекции Насера Л. Халили (Лондон), Музея Метрополитен (Нью-Йорк), Дома рукописей (Сана). Выставка эта была подготовлена при непосредственном участии М. Б. Пиотровского, глубокого знатока языка искусства ислама. Эта выставка была незабываемой и вызвала резонанс во всем мире. На ней воочию возможно было познакомиться действительно с немой красотой искусства ислама, в котором в макрокосме (мироздание) и микрокосме (человек) представлена всеохватная целостность Сущего, испол-

¹ Саид Э. В. Указ. соч. С. 169.

² Андреев Д. Л. Роза мира. М.: Прометей, 1991. С. 17.

³ Там же. С. 12.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 14.

⁶ Ланда Р. Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005. С. 43.

⁷ Ланда Р. Г. Указ. соч. С. 47.

⁸ Бежар М. Мгновение в жизни другого. Мемуары. М.: В/О Союзтеатр СТД СССР, Гл. редакция театр. лит., 1989. С. 187.

ненного красоты и совершенства. Весь мир в исламе отождествлялся с телом человека.

Саид анализирует отношение Запада к Востоку Средиземноморья с XVII века¹. Но ведь взаимодействие Запада и Востока в этом регионе началось много раньше. Справедливости ради стоит отметить, что Саид, конечно же, знает об этом. Он пишет: «С конца VII века... ислам в его арабской, османской или североафриканской, или испанской форме доминировал над европейским христианством или вполне реально угрожал ему»². Но сосредоточивает свое внимание на доминировании Запада над Востоком, на том, что в исследованиях «ориенталистов» проявляется «замаскированный этноцентрический предрассудок»³.

В 711 году арабо-берберские войска омейядских халифов вторглись на Пиренейский полуостров из северной Африки и разгромили королевство вестготов. Так Испания стала провинцией Дамасского халифата. Затем один из Омейядов подчинил себе все мусульманские владения и основал Кордовский эмират с центром в городе Кордова. К X веку Испания стала центром культуры не только для Востока, но и для Запада. В Кордовском университете учились студенты из многих европейских стран — Англии, Франции, Германии. На юге — в предгорьях Сьерра-Невады расположилась столица Гранадского эмирата, сформировавшегося в 1238 году, — Гранада, которую арабы называли земным раем, а поэты воспевали как «светлую звезду неба». Однако и испанским мусульманам приходилось бороться с аналогом крестовых походов — реконкистой. Успехи реконкисты привели к тому, что Кордова пала в 1238 году, Гранадский эмират удержался еще два столетия, но, в конце концов, и он пал в 1492-м.

Когда мы говорим об искусстве ислама, следует иметь в виду, что оно весьма разнообразно, ибо подразумевает искусство разных народов, исповедующих ислам. Так как ислам исповедуют очень разные народы, то естественно, что в разных регионах, в разных этносах мы видим определенные отличия. Однако для всего искусства ислама характерна определенная общая семантика, объединяющая разные направления, связанные с этническими особенностями. Ибо для ислама не существуют разные нации, а все мусульмане составляют единую нацию — умма. Искусство ислама выработало особый неповторимый язык. В нем есть черты, которые можно найти и в христианском искусстве. Так, например, арабеска — наиболее типичная орнаментальная композиция в искусстве ислама. Впоследствии этот орнамент широко распространился в европейском искусстве под тем же названием.

При Аббасидах была основана переводческая коллегия «Дом мудрости», где переводились древнегреческие и эллинистические книги. Труды античных авторов мы знаем как раз по арабским переводам. В свою очередь арабские труды были переведены на латынь. А арабская поэзия оказала сильней-

шее влияние на последующую литературу не только Востока, но и Запада. В книге Саида об этом говорится мимоходом⁴. И в этом неприятие идей Саида не только на Западе, но и на Востоке. Ведь не только на Востоке, но и на Западе с восторгом воспринимается творчество таких известных классиков, как Омар Хайям, Низами, Фирдоуси, Маарри, Хафиз. Да и в наше время Нобелевская премия справедливо присуждена Орхану Памуку. Интерес к творчеству Салмана Рушди вызван не только всколыхнувшим скандал произведением «Сатанинские стихи», но и его романом «Стыд», и многими другими произведениями, в том числе интересными наблюдениями о положении турецких гастарбайтеров в Германии. Впрочем, современные писатели Дальнего Востока широкой пользуются известностью не только у себя в стране, а иногда и вопреки их неприятию на Родине — во всем мире. Вспомним Кавабату, Ясуси Иноуэ, Мураками. А как писал о Востоке Г. Гессе! Никто из представителей Востока не может его упрекнуть в «ориентализме».

Мудро и с состраданием пишет о восприятии Запада исламом и ислама Западом Г. Померанц: «По ряду причин ислам оказался болезненно чувствителен к крайностям западного плюрализма. Тут имеет значение многое: и жесткая связь истины со словом, с арабским словом, услышанным Мохаммедом; и напряженное переживание соблазнов пола. Дальний Восток, с его образом туманного, невыразимого Пути и относительным равнодушием к сексу, легче входит в современность. Фундаментализм ислама — болезненная реакция на вызов современного Запада; но эта реакция на действительное зло»⁵.

Однако Восток для европейцев отнюдь не ограничивается только миром ислама, о котором преимущественно пишет Эдвард Вади Саид. И Восток отнюдь уже не является миром слабого подопечного, над которым Запад имеет свою власть. «В современном диалоге западный интеллектуал, как правило, стоит ниже своих оппонентов. Образованный индеец знает Европу; образованный европеец имеет довольно туманное представление о Востоке и смешивает в понятии Востока совершенно разные миры. С европоцентристской точки зрения непонятно, почему страны Дальнего Востока обгоняют динамичный Запад в своем динамизме, а в мире ислама поднялась волна контр-модернизации»⁶.

В основном Эдвард Саид концентрирует свое внимание на литературе. Начиная анализ с античной литературы, он затем исследует творчество Данте, Шекспира в аспекте избранной темы, затем писателей Нового и Новейшего времени.

Однако Восток на Западе предстает во всех видах искусства. Так, сегодня в области архитектуры мы видим выдвижение восточных архитекторов в коргору наиболее знаменитых и известных, востребованных не только на Востоке, но и на Западе.

¹ Саид Э. В. Указ. соч. С. 31.

² Там же. С. 116.

³ Там же. С. 235.

⁴ Саид Э. В. Указ. соч. С. 121.

⁵ Померанц Г. Указ. соч. С. 555.

⁶ Там же. С. 560.

Только в одном месте Саид говорит о восточных мотивах в творчестве Моцарта. «Его “Волшебная флейта” (в которой масонские коды перемежаются с образами благословенного Востока) и “Похищение из серала” помещают исключительно благородный вид человечества именно на Востоке. И это обстоятельство в гораздо большей степени, чем модные тогда “турецкие” музыкальные мотивы, заставляет Моцарта смотреть на Восток с симпатией»¹. На самом деле, конечно же, мы видим музыкальное воздействие Востока на Западе в разных национальных культурах и в разные периоды, ибо в каждой национальной музыкальной культуре всегда можно найти специфические черты. Их взаимодействие и взаимовлияние существовали всегда, но особенно ярко это проявляется в XX веке. «Три основные составляющие звукового бытия нации: речевая интонация вербального языка, которая может быть включена в виде компонента в художественное целое и воздействовать особенностями своего интонационно- и ритмического содержания на структуру музыкального текста; национальная традиция музицирования, включающая в себя фольклор и светскую устную или устно-письменную профессиональную традицию; музыка церковного ритуала, породившая свою традицию»².

Бела Барток писал: «Изучение крестьянской музыки имело для меня решающее значение, так как привело к мысли о возможности полного освобождения от всевластия нынешней системы мажора и минора... и к совершенно свободному распоряжению каждым отдельным тоном нашей хроматической двенадцатитоновой системы»³. Это стремление приводит в конечном счете к тому, что он использовал фольклор не только венгерский, не только соседних регионов — Румынии, Словении, Болгарии, но и турецкие, арабские и другие восточные национальные элементы музыки. Нередко в его творчестве используется архаичная пентатоника, полиладовая гармония.

Музыка XX века вобрала в себя ориентализм в широком спектре философских, эстетических идей Востока. Вспомним Дебюсси. Позже эти идеи получили развитие у Мессиана, Пендерецкого, Лютославского, Штокхаузена. В слуховой кругозор европейских композиторов входит музыка стран Африки, Азии, Америки, включая арабский мир, а также Индию, Китай, Японию, Цейлон, Индонезию — Юго-Восточную Азию и Дальний Восток. Так, японские гагаку мы найдем у Мессиана, яванский гамелан — у Дж. Кейджа, индийский рагсангит — у Ф. Р. Херфа. Дьердь Лигети для создания «новых модальных и хроматических музыкальных идиом стремился к интернациональным средствам выразительности»⁴. В творчестве Софьи Губайдул-

линой чувствуется стремление к органичному объединению свойств искусства Запада и Востока. Она считает, что «связь между жизнью и высотой идеальных установок и абсолютных ценностей, постоянное воссоздание *legato* жизни»⁵ есть истинно религиозное восприятие действительности. Но оно требует уважительного отношения ко всем религиям. В «Ночи Мемфисе» проявилась дзэн-буддистская идея растворения своего «я» в окружающем мире.

Знаменитый современный певец Леонард Коэн пять лет провел в буддистском монастыре под именем Джикаи — «молчание».

Наоборот, на Востоке мы видим влияние Запада. Там музыканты находятся в ситуации двойного диалога: с одной стороны, со своей национальной культурой, с другой — с европейской культурой. Одни в национальную фактуру включают элементы современного музыкального языка, другие, изучая европейский авангард, соединяют его средствами национальной музыки. Тем самым Восток и Запад создают единую музыкальную культуру. Однако тема Запад на Востоке — совсем другой поворот от нашей проблемы, и потому она остается за скобками.

Во второй половине XX века в музыке возникает тенденция обращения к истории искусства в целом. Отдаленные периоды этой истории переживаются как цветущие и зовущие. Эклектика соединения несоединимого становится предпочтительной. Описывая XX столетие, А. С. Соколов констатирует, что «в художественной культуре разразились два качественно разных кризиса. Один связан с авангардом, другой — с постмодернизмом. В них, впрочем, есть и общие признаки Времени. В обоих случаях можно говорить о кризисе культуры текста. Высочайшая информационная насыщенность текста в авангарде (структурализм) и постмодернизме (полистилистика) перекрывается вторжением бесписьменной культуры (рок, хепенинг, электронная музыка и т. д.), живущей по своим законам»⁶.

Интересно современное сочинение В. И. Мартынова «Дети выдры» (2009), наглядно сопоставляющее особенности западных и восточных средств выразительности. Исполнители этого произведения — ансамбль «Хуун-хуур-ту» (Восток) с применением тувинского горлового пения (хрипения) и инструментальный ансамбль “Opus posth”, академический хор «Млада» (Запад).

Сегодня появляется все больше выдающихся исполнителей с Востока. Напомним лишь такие имена, как пианисты Ланг Ланг, Юджа Вонг, Юнди Ли, скрипачка Маюко Камио, дирижер Кеннет Ногано.

Советская власть стремилась развивать культуру народов, входивших в состав СССР. Для этого изучалась культура, на основе которой создавались новые произведения профессиональными музыкантами из России. Этот процесс происходил повсеместно в республиках Средней Азии и Балтии, Кавказа и Приполярья, Поволжья и Сибири.

⁵ *Холопова В. Н.* Софья Губайдуллина: путеводитель по произведениям. М., 2001. С. 3.

⁶ *Соколов А.* Какова же она — «форма» музыкального XX века // Музыкальная академия. 1998. № 3–4. С. 2–8.

¹ *Said Э. В.* Указ. соч. С. 182.

² История зарубежной музыки XX века. М.: Музыка, 2007. С. 11.

³ *Bartok B.* Weg und Werk. Schriften und Briefe. Budapest, 1957. S. 145.

⁴ *Ligeti G.* Begegnung mit Kurtág in Nachkriegs. Budapest // Musik der Zeit. Dokumentation und Studien. Bonn, 1986. S. 15.

Организовывались декады национальных культур, проводившиеся в Москве. Шел активный процесс направления импульсов от центра к периферии. Музыканты из Москвы и Ленинграда посылались в национальные республики, закладывая там композиторские школы, основы музыкального образования. Характерный пример — становление профессиональной музыкальной культуры в Бурят-Монголии (с 1958 г. — Бурятии). Первая декада была проведена в 1940 году.

Формированию национальной композиторской школы способствовало изучение мировой музыкальной классики и вместе с тем знакомство с оригинальным ориентальным материалом.

Так, Б. П. Сальмонт собрал 229 напевов, из которых 176 были бурятскими. Он сделал ряд обработок бурятских народных песен, многие из которых вошли в репертуар таких известных исполнителей, как Ирма Яунзем в передачах Всесоюзного радио¹. В 1939 году в Бурятию приехал автор первой национальной оперы «Энхе — стальной богатырь» М. П. Фролов, который записывал мелодии бурятской музыкальной культуры. Опера Л. Н. Книппера «На Байкале» основана на 74 народных образцах по итогам экспедиции по Курумканскому и Баргузинскому районам. Опера «Мэдэгмаша (У подножия Саян)», балет «Свет над долиной» С. Н. Рязова также основаны на записях фольклора по Кабанскому району. В 1956–1957 годах была поставлена опера в Улан-Удэ Б. Ямпилова «У истока родника». Опера Д. Аюшева «Побратимы», посвященная 300-летию великой дружбы между русским и бурятским народами, была показана на сцене филиала ГАБТа в Москве в 1959 году в дни Второй декады. В этой опере воспроизведен ориентальный колорит в картинах массового народного праздника. В 1967 году была написана опера «Прозрение». Таких произведений создано было и создается сегодня достаточно много, например, главное в воспитании вокалистов — сохранение собственной эмоциональной инграммы (имманентного свойства творческой деятельности, характеризующегося сохранением собственного творческого лица и индивидуального стиля интерпретации). В конечном счете, бурятские вокалисты стали выступать в западноевропейских операх, принося в них ярко выраженный восточный элемент. Так, бурятская певица Валентина Цыдыпова выступала в парижском оперном театре «Опера-Бастий», исполняла роль мадам Баттерфляй в постановке режиссера Роберта Уилсона с дирижером Мюннг Вун Чунгом. Ее исполнение вызвало положительные отзывы: «помимо многочисленных достоинств парижской постановки “Мадам Баттерфляй” отметил и настоящее чудо в лице исполнительницы заглавной партии — солистки Мариинского театра, имевшей феноменальный успех у публики и очаровавшей самых взыскательных меломанов»². Этот успех хорошо понимали у нас в стране: «Три арии Чيو-чио-сан

певица-актриса превратила в настоящую монооперу, а созданный ею образ идеально смотрелся в ряду самых выдающихся исполнительских версий»³. Столь же ярким результатом стала ее работа в 1997 году на гастролях Мариинского театра в Риме в партии Турандот, где она была воплощением восточной красавицы с завораживающими интонациями и нежнейшим *pianissimo*, переняв такую трактовку у Монсеррат Кабалье.

Монгольская и бурят-монгольская песня лишена жестких метрических рамок и потому непривычна для восприятия теми, кто привык к европейской ритмически обусловленной музыке. Особенно это характерно для архаичных материалов. Там после произвольного протяжного звука с текстом следует ритмический отрезок вокальной мелодии, затем снова растянутая звучность, и так несколько раз. Как считают многие, это обусловлено характером хозяйственной деятельности кочевников, не ограниченной лимитом времени, когда скотовод передвигается на коне по степи, гармонично проводя быт на фоне природы.

Ладовой основой бурятской и монгольской музыки является пентатоника. При этом лимитированный звукоряд все же не препятствует выражению экспрессивных возможностей выражения. При этом в музыке восточных бурят попадаются неожиданные для европейского слуха скачки на малую, большую септиму или октаву. Свообразные метроритмические свойства народно-песенного творчества бурят вытекают из принципов национальной системы стихосложения, типичных для скотоводных музыкальных культур. Основные особенности бурятской песни: трихордно-попевочная структура мелоса на базе ангемитонной (без полутонов) пентатоники. Тягучий образец напева «Золотарник» неоднократно использовался композиторами республики в качестве образца для музыкальной обработки.

На XIII Международном фестивале EARLY-MUSIC, проходившем с 5 по 30 сентября 2010 года в Санкт-Петербурге, наряду с европейской была представлена корейская музыка. На этом фестивале была также исполнена турецким ансамблем “Golden Horn” музыка Дмитрия Константиновича Кантемира, много сделавшего для связи русской и турецкой культур. Любопытно, что во времена императрицы Елизаветы Петровны, как известно, талантливой музыкантши, при дворе был ансамбль турецких музыкантов⁴.

Кроме музыки, несомненно влияние Востока на Запад в сфере пластических искусств. Эдвард Саид пишет только о том, что «в некоторых случаях репрезентации Востока можно связать с тюрьмами Пиранези, в других — с роскошью Тьеполо, в третьих — с экзотической величием живописи конца XVIII века. Похоже, в XIX веке, в работах Делакруа и в буквальном смысле дюжины французских и английских художников восточная живопись придала этим репрезентациям визуальное выраже-

¹ Гуревич П. С. Оперный театр Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. книж. изд-во, 1964. С. 25.

² Игнатов В. Мадам Баттерфляй из Улан-Удэ // Советская культура. 1994. 12 февр. С. 12.

³ Бабалова М. Моноопера из трех арий // Коммерсантъ. 1995. 2 дек. С. 12.

⁴ XIII Международный фестиваль EARLYMUSIC, 5–30 сентября 2010 г.: буклет. С. 13.

ние <...> Восток... в Европе конца XIX века превращается в нечто поистине хамелеонообразное под названием (в качестве прилагательного) “восточный” (ориентальный)¹. В то время, когда в Европе распространилась мода на шинуазри и тюркери, повсеместно строились китайские павильоны. Не беда, что в них почти ничего китайского не было. Так, для королевы Норвегии был выстроен китайский дворец, где крыши были изогнуты, но, увы, совсем не так, как это характерно для китайских пагод. Да и в России в пригородах Петербурга в залах, посвященных Востоку, полно деталей, не соответствующих первоисточнику. Так, на полу изображены драконы — священные существа, высоко почитаемые и потому никак не могущие быть попираемы. Фигуры женщин отнюдь не соответствуют физиологическим особенностям тела восточного человека. Они на изображениях разводят руки — что для приличной женщины в Китае было недопустимо. Кисти рук их обнажены — признак распушенности и бесстыдства.

В последующем обращение к Востоку становится все более широким и всеобъемлющим. Достаточно хорошо известен факт воздействия японской гравюры на импрессионистов. Творчество А. Матисса связано непосредственными узами с искусством Востока, что отразилось в его исканиях выразительных средств языка пластических искусств.

В России ярким примером обращения к Востоку могут служить работы К. Петрова-Водкина: «Его творчество можно уподобить зеркалу, смотря в которое Запад узнает в себе Восток, а Восток — Запад»². Сегодня постоянно проходят выставки восточного искусства в ведущих музеях мира, в том числе у нас в городе. Достаточно вспомнить выставки только 2010 года корейского искусства в Эрмитаже, японского искусства в Русском музее.

Если мы обратимся к современной архитектуре, то увидим, что многие выдающиеся архитекторы — выходцы из стран Востока. Но строят они не только у себя на родине, но и в Европе, чем заслужили всемирную известность.

Что же касается литературы, то здесь несть числа примеров, когда западные писатели обращаются в своих произведениях к Востоку. Так, огромный вклад в становление мифа о превосходстве культуры Востока над культурой Запада внес Г. Гессе во всемирно известных романах «Степной волк», «Сиддхартха». До сих пор появляются романы, в которых воспевается искусство Востока. Бестселлером стал роман Хелен Девиитт «Последний самурай» (у нас он издавался дважды — в 2004 и 2010 г.). Не говоря уже о распространении произведений писателей, родившихся и творящих на Востоке. Нашумевшая история с «Сатанинскими стихами» Салмана Рушди несколько заслонила

его творчество. Между тем им созданы прекрасные романы, например, «Стыд», опубликованный у нас на русском языке, интереснейшие исследования о положении турецких гастарбайтеров в Германии и т. д. Получили широкую известность на Западе Мураками и Орхан Памук — Нобелевский лауреат (правда, оба на родине не воспринимаемые однозначно).

В кинематографе мы видим такие достижения, за которыми Западу иногда трудно угнаться. В Индии налажено производство огромного количества фильмов, намного опередив Голливуд. Если же мы хотим обратить внимание на глубину и тонкость содержания произведений этого вида искусства, то, конечно же, японские фильмы Акиры Куросавы и Нагиса Осимы стали классикой XX века. В последнее время многие восточные школы кинематографии показывают выдающиеся успехи. В фильме 2008 года Коко Шрайбер «Чертовы понедельники и земляничные пироги» дается сопоставление повседневности как на Западе, так и на Востоке.

Столь же значительны успехи представителей науки. Недавно Нобелевским лауреатом стал ученый из Японии.

Столь же значительны взаимовлияния Востока на Запад и Запада на Восток в области кулинарии. Это ли не признание Запада равноправия с ним Востока?

Между тем Саид пишет: «Один из аспектов электронного мира постмодерна состоит в том, что стереотипы, через которые смотрят на Восток, получают определенное подкрепление. Телевидение, кино и все прочие медиаресурсы сводят всю информацию к более или менее стандартизированным формам»³. В этом есть доля истины, но она относится только к массовому искусству. Когда же мы обращаемся к наиболее серьезным произведениям, то всегда здесь присутствует тонкое, почтительное и глубокое постижение особенностей культуры Востока. Очень чувствительное и нервное ощущение проблемы «своих» и «чужих» всегда вызывает отторжение как одних, так и других. Не случайно обращение к книге Эдварда Саида, ибо она отражает чувства многих людей Востока, ощущающих несправедливое к ним отношение — как к Другим. И это рождает ответное чувство агрессии и жестокости. Безусловно, модернизация Востока должна состояться без его вестернизации, что удается не всегда.

Вполне можно согласиться с кредо Григория Померанца: «Я верю в возможность мировой цивилизации, где европейский принцип диалога наций (“концерта наций”) будет дополнен диалогом великих культурных коалиций, диалогом подступов к единому Богу. Но для того чтобы дух победил, нужно великое обновление... и в каждом из нас идет борьба духа любви с духом раздора и гибели. Вопрос о будущем всегда открыт»⁴.

¹ Саид Э. В. Указ. соч. С. 183.

² Даниэль А. М., Даниэль С. М. Запад и Восток в творчестве К. С. Петрова-Водкина // Советское искусствознание. М., 1989. Вып. 25.

³ Саид Э. В. Указ. соч. С. 45.

⁴ Померанц Г. Указ. соч. С. 561.